

Вернувшись в закусную Су-и, Ын Юль поднял в объятия выбежавшего к нему Ха Ныля, радостно встретившего отца.

— Пойдём домой.

Время уже близилось к десяти вечера, так что даже если поспешить, подготовиться ко сну они всё равно опоздают. Подхватив сына на руки, Ын Юль поклонился Лим Бон Су. Он не стал говорить, что всё прошло благополучно или что господин хотел подарить ему одежду для переодевания, — не было времени на объяснения. Увидев, как бабушка лишь отмахнулась рукой, Ын Юль развернулся.

— Прости, что опоздал.

Ха Ныль внимательно посмотрел на отца и уткнулся лицом в его грудь.

Когда они вернулись домой, мальчик пулей умчался в комнату и захлопнул дверь. Да ещё и крикнул, чтобы тот не заходил. Видимо, обиделся за позднее возвращение.

— Ха-а...

Мысли у Ын Юля были тяжёлые, а тут ещё и сына приходилось успокаивать — от этого сразу навалилось чувство усталости. Но вина была его, значит, нужно было собраться и найти силы. И как раз в этот момент дверь распахнулась.

— Та-дам!

Ха Ныль, уже переодевшийся в пижаму, гордо вышел, уперев руки в бока.

— Ты...

— Я сам переоделся! И надел ту персиковую пижаму, которую папа любит. Я милый?

Он потянул ткань вперёд, и нарисованные персики то раздувались, то сплющивались.

— ...

Сын, оказывается, всё понял. Ын Юль осознал, что не сумел скрыть своего настроения, и ему стало стыдно. Но, услышав, что Ха Ныль специально показал ему пижаму, чтобы подбодрить, он невольно улыбнулся.

— Вот теперь я и правда рад.

Раньше ему приходилось выжимать из себя силы, а сейчас они сами вернулись.

— Скушай мой персик.

Он сделал вид, что откусывает нарисованный фрукт.

— Ням-ням, какой вкусный! Такой сладкий и сочный. Лучший персик на свете.

— Правда?

— Ну... если честно, не уверен. Пусть Ха Ныль попробует и расскажет.

Он подал воображаемый персик сыну, и тот тоже сделал вид, что жует, надув щёки. До чего же он был милым.

— Ну как на вкус?

— Хм... вкус воздуха.

— Что? Так значит, я всё это время ел воздух?!

— Бе-е, попался!

— Ух, обманул меня.

Ын Юль схватился за горло и рухнул на пол. Ха Ныль тут же забрался на него сверху и крепко обнял его шею. От тепла маленького тела сердце становилось спокойнее.

Да. Ха Ныль — мой ребёнок.

Он не мог обещать, что тайна сохранится вечно, но был уверен в одном: никому не отдаст сына.

Сидя перед кастрюлей с бульоном, Ын Юль окликнул бабушку, резавшую позади овощи.

— Бабушка.

— Рот закрой и руки двигай.

— Ха Ныль такой милый, правда?

— ...

С ума он, что ли, сошёл с утра? Или не проснулся ещё? Лим Бон Су обернулась.

А Ын Юль, не замечая её мыслей, сжал себя руками.

— Настолько очаровательный, что аж укусить хочется. Настолько красивый, что даже когда смотришь, всё равно скучаешь.

— Сбрендил, что ли?

— Ха Ныль ещё и умный. Цифры сам выучил по плакату, читать умеет, хоть писать пока нет. Я-то ничему не учил, всё время работаю. А он сам — значит, очень сообразительный.

— Известные вещи чего попусту мусолишь.

Она уже хотела щёлкнуть ему по лбу за глупости, но, увидев, как этот здоровяк сидит сгорбившись, руку не подняла.

— Разве на такого ребёнка никто глаз не положит?

Поняв его намёк, Лим Бон Су снова взяла нож. Вот оно что...

— Ну и что? Это же твой ребёнок. Никому он не достанется.

— А если не «никто»? Если это отец... Разве он не захочет забрать Ха Ныля?

— И что? Отдашь, если попросит?

— Нет.

— Ну так в чём проблема.

Она цокнула языком, плеснула масла на сковородку, засыпала овощи и разбила яйца.

— Я не собираюсь отдавать, но не знаю, как защитить.

Всю ночь он крутил в голове, как уберечь сына от Кан Ха Джуна — наследника политика и внука самого богатого человека в стране. Но решений так и не придумал.

— У меня нет ни денег, ни силы. Чем я смогу защитить Ха Ныля?

— Нет у тебя, говоришь... Да ты зарабатываешь, чтобы ребёнка содержать. И силы хватает, чтобы его на руках держать. Зачем тебе ещё?

— Бабушка, я же не это имел в виду.

Он хотел объяснить, но замолчал, поняв, что та вовсе не притворяется.

— У тебя и так есть оружие.

— У меня?

— Ага.

Лим Бон Су переложила омлет на доску и нарезала.

— У тебя же есть «эгё»*, болван.

(*притворная миловидность, «сюсюканье»)

— Э-эгё? Да какое это оружие...

Ын Юль распрямылся и подошёл ближе. С его комплекцией о каком «эгё» речь?

— Ты ж так старикам в душу запал. Они и сами будут тебя защищать.

Неожиданный ответ ошеломил его.

— ...Бабушка.

Он вдруг крепко её обнял.

— Эй! У меня нож в руках, поранишься!

— И вы меня защитите?

— Везде и всюду у тебя сторонники, зачем я ещё?

— Но ведь вы самая сильная.

Закусочная еле держалась на плаву, но она имела наглость стучать половником по дорогим машинам и бранилась так, что никому не уступала. Как он сам сразу не понял.

— Я правда счастлив, что встретил вас. Без вас я бы так не жил.

Без неё он бы просто тратил по чуть-чуть те пятьсот тысяч и кое-как выживал.

— Спасибо.

— Если уж так и будешь обнимать, ступай вон там страдай. Мне душно.

— Нет, я ещё обниму.

— Чёртов бездельник, работать мешаешь.

— А ваши крепкие ругательства — это тоже опора для меня.

За такие слова Ын Юль поплатился: омлет застрял в горле.

— Ха Джин, кхе-кхе, он же не знает, кто я.

Даже после нескольких встреч тот явно не догадывался. Значит, если не показываться, бабушке и вмешиваться не придётся.

Кан Ха Джун всё возвращался мыслями к событиям в саду. Депутат Хан Чхоль Сын позвал туда юношу из закуской. Тот явно не вписывался в роскошную обстановку, и это сразу бросалось в глаза. Большинство насмеялись над его видом, кое-кто, напротив, отмечал, что лицо у него симпатичное. А один мужчина и вовсе подошёл познакомиться.

Ха Джун хотел было не вмешиваться, но почему-то не смог игнорировать взгляды, устремлённые к нему. Пришлось вмешаться и отогнать того, кто хотел купить юношу за деньги.

— Зачем было звать его в такое место...

Что задумал Хан Чхоль Сын? Знал же, что парня будут так воспринимать. Или он имел в виду что-то другое?

Мысль о «другом» вызывала неприятное чувство.

Конечно, Чхоль Сын был человеком честным и прямым, и именно поэтому выбрал его. Но всё равно... Этот парень притягивал взгляды.

И ещё... всякий раз, когда он смотрел на него, возникало странное чувство узнавания.

— Что же я упускаю?

Он решил всё вспомнить сначала.

Причина, по которой юноша показался ему не чужим, могла быть лишь в том, что они встречались прежде. И подтверждением этому служил его голос.

Не лицо, а именно голос сильнее всего цеплял его память.

Ха Джун, ритмично постукивая пальцами по столу, вызвал секретаря.

— Узнайте о молодом человеке из закуской, с которым встречался депутат Хан Чхоль Сын. Любая информация подойдёт. Дайте мне её через полчаса.

— Есть.

Когда секретарь вышел, Ха Джун поднялся и медленно подошёл к окну.

— Кто же ты такой?..

Случайно он увидел, как тот шёл вместе с ребёнком. Они крепко держались за руки, а затем он привычным жестом поднял его на руки — выглядело так, будто они очень близки.

<http://bllate.org/book/14449/1277811>